домой во всякое время, когда имъ было нужно. Толстой картинно описываетъ одинъ такой случай ухода, на второмъ или третьемъ послѣобѣденномъ классѣ. И вотъ два или три мальчика забѣгаютъ въ комнату и спѣша разбираютъ шапки. «Что вы?»—Домой.—«А учиться? Вѣдь пѣніе!»—А ребята говорятъ домой, отвѣчаетъ одинъ изъ мальчиковъ, ускользая съ своей шапкой.—«Да кто говоритъ?»—Ребята пошли!—«Какъ же такъ?—спрашиваетъ озадаченный учитель, приготовившій свой урокъ.—Останься!» Но въ комнату вбѣгаетъ новый мальчикъ съ разгоряченнымъ, озабоченнымъ лицомъ. «Что стоишь?—сердито нападаетъ онъ на удержаннаго, который въ нерѣшительности заправляетъ хлопки въ шапку: — Ребята уже во-онъ гдѣ, у кузни ужъ небось». — Пошли? — «Пошли». И оба бѣгутъ вонъ, изъ-за двери крича: «Прощайте, Иванъ Ивановичъ!»

«И кто такіе эти ребята, которые рѣшили итти домой, какъ они рѣшили?—Богъ ихъ знаетъ. Кто именно рѣшилъ, вы никакъ не найдете. Они не совѣщались, не дѣлали заговора, а такъ вздумали ребята домой. «Ребята идутъ!» — и застучали ножонки по ступенькамъ, кто котомъ свалился со ступеней и, подпрыгивая и бултыхаясь въ снѣгъ, обѣгая по узкой дорожкѣ другъ друга, съ крикомъ побѣжали домой ребята».

Такіе случаи повторяются разъ и два въ недѣлю. Оно обидно и непріятно для учителя — кто не согласится съ этимъ, но кто не согласится тоже, что вслѣдствіе одного такого случая, насколько больше значенія получаютъ тѣ пять, шесть, а иногда семь уроковъ въ день для каждаго класса, которые свободно и охотно выдерживаются каждый день учениками! Сколько помѣхъ приходилось имъ нерѣдко преодолѣвать, чтобы насытить свою жажду знанія!

Въ школѣ Толстого совсѣмъ не знали, что такое лѣность. Навѣрно, если бы и вездѣ ходить въ школу считалось не обязанностью, а привилегіей, то дѣти гораздо выше цѣнили бы школу; если бы и вездѣ ученики могли уходить домой,